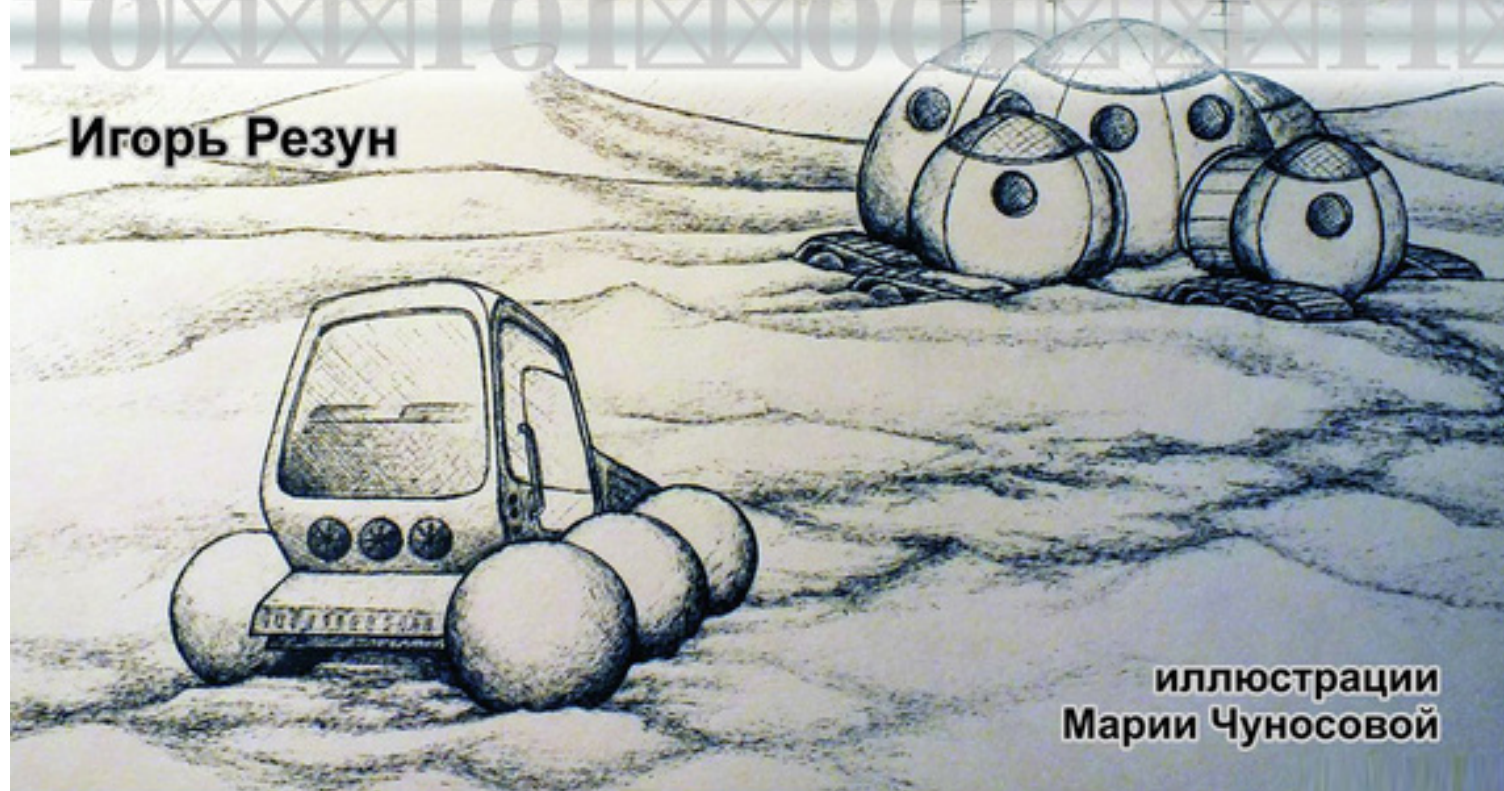

фантастический рассказ

БЛУЖДАЮЩИЕ ТОКИ

Игорь Резун

иллюстрации
Марии Чуносовой

Город Т. О. Т.

Игорь Резун
Блуждающие токи

Издательство «Союз писателей»

2016

УДК 82-344
ББК 84(2 Рос=Рус)

Резун И.

Блуждающие токи / И. Резун — Издательство «Союз писателей»,
2016 — (Город Т. О. Т.)

Земля образца 2068 года. Более пятнадцати лет назад в самом центре Самотлорской нефтяной равнины произошла страшная природная аномалия и эта местность на тысячи километров превратилась в смертоносную пустыню с белым песком, изобилующую опасными природными катаклизмами. Земля давно процветает, на ней царит мир, экология, безупречная стерильность и здоровье – а Аномальная зона преподносит людям сюрпризы. По её границам разбросаны наблюдательные станции, на которых, управляя сложной аппаратурой, дежурят люди. Молодой исследователь Байм работает на одной из таких станций – и периодически замечает странные явления, официально называемые «Неопознанные Биологические объекты». После выхода из строя нескольких датчиков на станцию к Байму посылают наладчика, мастера Махала. Тот появляется, своим видом нарушая все мыслимые и немыслимые законы нового образа жизни» – но важно не это, а то, что с приездом Махала на станции всё идёт кувырком, катаклизм нарастает, а сам наладчик проникает в тайну Байма... Рассказ снабжён большим количеством сносок, облегчающих понимание. Первый рассказ из серии «город Т. О. Т.»

УДК 82-344
ББК 84(2 Рос=Рус)

© Резун И., 2016
© Издательство «Союз писателей», 2016

Содержание

05:02 АТ	6
05:45 АТ	12
08:30 АТ	16
09:44 АТ	19
10:23 АТ	23
10:54 АТ	26
11:30 АТ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Игорь Резун

Блуждающие токи

© Игорь Резун 2016

* * *

05:02 АТ

Пять часов *ad tondendas*, «после сдвига». Пять часов, две минуты... В переводе на «континентальное» время, время Большой Земли – откуда все сюда приезжают и куда все страстно мечтают уехать из этой чёртовой дыры! – это шесть ноль два. Какая, к чертям разница? В пределах Зоны время считается по АТ, по сдвигу, его определяет в Някимволе центр точного времени Компании, и дважды в сутки, на состояние двенадцати часов полудня и двенадцати полуночи показатели корректируют. Можно представить, какая уйма работы, даже если всё это делают машины. Конечно, когда на мониторе какого-нибудь сэндпакера¹ в Когалымской фактории или Артели Муравленко, на дальнем производственном участке, вспыхивает такая надпись, работяга матерится – если он умеет это делать, конечно! – и запускает программу пересчёта конвойных часов. Других слов для умников из Аналитического Центра не подберешь: кто еще мог изобрести это название: «конвойные часы», *guardshours*, унижительное для свободного человека?! Да, платят не за «рабочие», а за «конвойные», те, которые ты провёл в пахоте на Компанию; за остальные насчитывают по усреднённому тарифу, хотя не всем: все, начиная с пятого кластер-чина получают по полному, это ведь менеджеральная элита, это аппарат, это руководство...

Да и они тоже тут под конвоем, если вдуматься.

И подчинённые, и начальники, и работяги, и мастера участков, операторы и инспектора – под неусыпным бдением фиксирующих аппаратов самых различных служб: и департаментов ГУЛАРа, и Санитарной полиции, и Службы обеспечения толерантности, и Протокольного отдела, и, наконец, Департамента Естественной Безопасности.² Все под колпаком... Их микрофоны рассованы по станции, и он не ручается, что один такой сейчас, например, не под его задницей... Тот услышит всё. Станция на круглосуточном контроле, всё идёт в запись, в «чёрный ящик», как на борту какого-нибудь звёздного крейсера. Мало ли что...

Может быть, услышит даже мысли, хотя способности нейромеханики преувеличены: голова у него пока без шрамов, по крайней мере, ничего не вживлено, это он знает точно.

Ладно... Надо сконцентрироваться на том, что определили приборы. Хотя определили негусто. Перемещение «условно белкового вещества» между телеметрическими датчиками Один и Два. Это между Вагонами и Самолётом, как он их называет. По прямой – два километра. От Станции первый контрольный датчик отстоит на все четыре километра, так что анализаторы станции его не видят, слепы, они на три километра стреляют своими невидимыми щупальцами, максимум... Что это?

Опять НБО?

Значит, вопрос: отправлять отчёт или нет?

Можно отправить. Его наверняка сунут в корзину. Они уже пресытились. НБО, «неопознанные биологические объекты» уже даже не тайна, а так, анекдот. Года два назад кто-то из работяг написал в стандартной анкете, на вопрос: «с кем вы пили?»: мол, с НБО. Прошло! В Аналитическом Центре даже имя успели какое-то придумать, такому яркому нарушителю производственной дисциплины радостно подкатали 47-ю статью. Прямо подпоручик Кижэ. Потом скандал большой был, замяли.

А с другой стороны: но что это?

¹ От англ. *sandpacker*, "сгребатель песка", штатное название одного из многопрофильных механизмов Основных Сил Гидромеханизации.

² Перечислены основные учреждения, контролирующие жизнь и деятельность граждан в пределах Самотлорской Карантиной Зоны, как частные, так и государственные.

Третий случай за месяц. И все в треугольнике первого, второго и третьего датчиков. Между Лимузином, Вагонами и Самолётом. Есть какая-то связь? Кто его знает...

Не ему разбираться.

А другой стороны: кому же, если не ему?!

Байм оторвал глаза от экрана. Они упёрлись в стопку белой бумаги, в контейнере, специальной марки «SHSQ»,³ для отчётов и цанговый карандаш с символикой SDC. Скоро предстоит писать очередной отчёт.

Хорошо...

Он пощёлкал кнопками клавиатуры, в сколько-то-там-тысячный раз осматривая периметр Станции. Он тут уже три года. Это две тысячи сто девяносто штатных просмотров, не считая взглядов мельком. Можно умножить на сто – правда не пострадает. Вон первый датчик, «Вагоны». Скукоженные горбы крыш и уцелевшая тележка – четыре колеса, перевёрнутая и вспоротая по брюху цистерна. На двух колесах – зелёная стылая мякоть, тем не менее, твёрдая как кевлар; два поедены «белой плесенью», скоро отвалятся. Превратятся в прах, пыль...

Почему так?!

До сих пор никто не может сказать.

...Там сходились пути, сеть стрелочных переводов. Песок давно покрыл рельсы белым покрывалом. Поеденные плесенью этой, пути обнажались только во время песчаных бурь, выглядели стежками белых нитей. Там, на этом изгибе, на стрелках, что-то произошло. Девять пассажирских вагонов скатились под откос, почему-то с цистерной и ещё каким-то железнодорожным чудовищем. Песок в этом месте слоем метра два, он почти покрыл их, только заравнивает пути лёгкой плёнкой...

Как прихотливо Зона работает с металлом! Он не перестает этому удивляться. Объяснения нет тоже, как и по поводу «белой плесени». Какие-то металлические вещи Зона съедает, сглаживает до основания: вон, например, все мачты и стойки над путями она разрушила; те покрылись сначала белыми кристаллами, потом растворились в песочном мареве, остались лишь столбики на два вершка от земли... точнее, от какой земли – от песка! О проводах и говорить не приходится. Какие-то – Зона покрывает, обляпывает зелёным, твёрдым, с иглами, мхом; кажется, металл словно остекленевает, ломается с писком... скрипом... и куски его потом размокают, становятся красно-оранжевыми, а через месяц-другой также исчезают. Так будет с этими двумя колёсами цистерны: они уже покрылись наростами, выкинулись шипами, словно округлые кактусы и вот-вот созреют... а почему да отчего, и какая разница между этими двумя видами распада, и, наконец, из какой милости Зона даёт пощады одному и уничтожает другое – не знал никто, абсолютно никто.

Два перца из Санполиции года два назад пытались вывезти из Мегиона такой обросший иглами экскаватор. На пробы. На анализ... Транспортный дирижабль лопнул, как гнилой орех, через девять километров, туда рванули спецы – не нашли ничего. Только горсточки пепла и этих, двоих – лежали на белом песке голые, красные, как креветки на блюде; умерли от удушья. Ну, ладно... А какой-то металл Зона не трогает. Вообще! Вон, серебрится хвост «Сессны» у Датчика-Два, посечённый пробоинами дырявый хвост. Но хоть бы хны самой дюралёвке. И вторые, правые колеса цистерны блестят рубчиком, кажется, ещё в смазке.

³ От англ. *Special High-Strength Quality*, «специальная повышенной прочности»; сорт бумаги, используемой для ряда документов, главным образом отчётов и служебных директив в пределах Самолторской Карантинной Зоны; изготавливается из абаки («манильской пеньки»), пропитана составами, предотвращающими горение и отсыревание.

И никто не знает, отчего и почему...

Байм нажал клавишу, отправлявшую массив сообщений об НБО за сутки в архив – компьютер сам обрабатывает. Бессмысленно глянул на цанговый карандаш – его жесткий грифель; он потом перенесет данные на бумагу простым шрифтом. Показатели других датчиков в норме. Хотя он это может сказать только по опыту: по крайней мере, превышения показателей нет, все цифры успокаивающе зелёные. Сыпучесть, текучесть, горючесть, летучесть, вязкость, отвердеваемость, химический состав – кремний, что же ещё! – радиоактивность, электропроводность, теплопроводность... что ещё? Сто сорок параметров, он все не запомнит. Только машина. Если какой-то показатель выйдет за установленные рамки, цифры запыхают красным, появится предупреждающий сигнал. Не буди лихо, пока оно тихо. Арготическая поговорка, недавно узнал.

...Он не помнил точно, как *это всё* началось – да и был он тогда довольно далеко от этих мест, всё смотрел в репортажах CNN, тогда ещё самостоятельной телекомпании, да узнавал из редкого частного видео в Globalgram, GG,⁴ в этом Джи-Джи, который оставался для многих единственным источником правдивой информации.

Сначала никто ничего не знал. Точнее – просто не предполагал такого. Снижение добычи нефти марки Urals⁵ было специфической новостью мировых трейдеров. Биржи удивлялись, экономисты вяло пережёвывали научную мякоть. Потом началось... Появились сообщения об Аномалии. Да, её и называли так, с самого начала – Аномалия; потому, что ничего глупее и неожиданней придумать было нельзя. Из нефтяных и газовых скважин пошёл песок. Да, обыкновенный песок, желтоватый такой; может быть, чуть более светлый, чем тот, который подразделения Гидромеханизации обычно намывали со дна Оби для новых поселков и буровых платформ. Он не шёл, он тёк, как вода, он обгладывал буры, как зверь и разрушал вышки – те валялись со страшными жертвами – металл внезапно превращался в сущую бумажку, шестиэтажная махина падала, придавливая всё под собой.

Сначала считали это считали неприятным, но не особо опасным капризом природы. Считали убытки, пытались «решить временные проблемы». Перестраховывались, согласовывали, консультировались... Дотянули до самого конца: песок пошёл в города. Началась паника. Песок шел волнами, как саранча, поглощая всё живое. Он сжирал землю. Он не щадил ни металл, ни бетон, ни что-либо иное: все «пескозащиты», которые возводили наспех собранные строительные бригады нефтегазовых компаний, буквально сгорали в песчаных лавинах, истончались и превращались в ничто под напором песка. Его барханы, словно бунчуки вражеских армий, окружали города – а паника росла...

Электромагнитные всплески заставляли падать на землю самолеты: внезапно рухнувший эвакуационный борт «Эйрбас» с восемью сотнями пассажиров из Ханты-Мансийска разом отменил авиаперелеты всех компаний. Умолкла любая связь, даже военная. Кстати, они засуетились именно тогда: но спутники оказались слепы. Карты Google Map показывали белое поле. А там, на этом поле, творился ад, ад крошечный, неведомый Данте.

⁴ *GlobalGram* – глобальная социальная сеть, образованная в 2015 году при слиянии сетей Facebook, Twitter, Instagram, ChinaNet, Golograf, а также ряда других, при содействии поисковых систем Google, Yandex, информационных каналов BBC, EuroNews, CNN, Antenne-5. Ранее существовавшие в РФ сети «Одноклассники» и «ВКонтакте» отказались войти в GG. После чего были ликвидированы в соответствии со статьями Международной конвенции о едином информационном пространстве.

⁵ Известная марка российской (сибирской) нефти.

Бежали, в рамках планового вывоза материальных ценностей и сотрудников госаппарата, члены Правительства Югорской автономной республики:⁶ песок настиг их кортеж в двадцати или тридцати километрах от границы первого оцепления. И всё... Их нашли только через три года – торчали только головы, нетронутые, многие с открытыми, изумленными глазами. Головы торчали прямо из песка; то ли так засыпало, то ли люди пытались выползти, вынырнуть – и как капусту, как кочаны, эти головы собирали отряды спешно сформированных бойцов Карантина, совершенно ошалевшие от увиденного: голова есть, есть сморщенные жилы и сосуды шеи. А тела – нет. Съел песок, буквально растворяющий органику. Да и не только органику, всё, вместе с бронированными лимузинами, БТР-ами защиты и рухнувшими впереди вертолетами.

Сначала песок был, как и положено песку, жёлто-коричневого, глинистого оттенка; шел бурно, с водой, извергался фонтаном – настоящие селевые потоки. Это потом он стал сахарно-белым, невинно-чистым, но вместе с тем и более коварным: он научился перемещаться, перекачиваться, течь, как волна. Песчано-пылевые бури стали страшнее, они полностью высасывали воздух из эпицентра, люди гибли, задыхаясь в кругу, образованном смертоносной каруселью; само небо начало дыряться над Зоной – разрывы озонового слоя сначала зафиксировали спутники InterCosmo⁷, а потом начались эти «палы»: в образовавшиеся полости вдруг рвалось сильнейшее инфракрасное излучение, сжигая все на огромной территории. Это были маленькие Хиросимы; так полностью, сгорел Ноябрьск, потом остались головёшки от Радужного – а от мест палов начала расползаться радиация. Вот тогда приняли решение о Тотальной Эвакуации. И побежали – уже все побежали, без разбора; побежали, плюнув на «северные», «сезонные», доплаты и бонусы, премии и сверхурочные, на деньги и карьеры. Гражданские, военные, секретные и несекретные, специалисты, прибывшие исследовать Аномалию и жулики, уже пытающиеся греть на ней руки, делать бизнес...

Бессистемно, бесконтрольно, как придется и варварски.

Это было сумасшествие. Да, вывезли многих, успели – железную дорогу по непонятным причинам Зона поначалу не трогала; отчитались – вывезено около двух миллионов человек. За бортом статистики осталось... примерно столько же – так уверяли некоторые, считавшиеся независимыми, эксперты. Впрочем, Байм доподлинно не знал. Называли разные цифры. Неучтённые статистикой военные, спасатели, «чёрные буровики» из расплодившихся небольших нефтяных компаний; китайские механизаторы, казахские трактористы, молдавские краповики, нанимаемые совершенно бесконтрольно – большими предприятиями. Их мало кто считал. Сколько из них нашли свой конец в будущей Зоне? Файлы с этой информацией засекречены до сих пор.

И вот тогда, когда уже стало окончательно ясно, что Зона – это планетарная катастрофа, что её не победить, не засунуть под микроскоп, неторопливо исследуя, тыкая её иголкой или отрезая кусочки – стало ясно, что это она станет отрезать от нас куски, да по живому, возник Карантин. Военные, блокпосты, идиотские провололочные заграждения – от кого, от чего?! – и минные поля, ушедшие в песок беззвучно, бесцельно, до сих пор таящиеся там. Международное сообщество предлагало помощь, мы упорно называли это «внутренней проблемой»;

⁶ ЮАР – Югорская Автономная Республика, включающая территории Северной Сибири и вошедшая в состав ЕВРАЗЭС в 2047 году.

⁷ InterCosmo – международный правительственный консорциум, объединивший силы НАСА, Роскосмоса и Космических сил Китая.

предлагали деньги – мы торговались и перепирались, собирали совещания и конференции, делали заявления, «поднимали вопросы», и «разрешали противоречия»...

А Зона разрасталась; языки песка, снося опустевшие города, по-прежнему безжалостно съедая металл, пластик и стекло, обгладывая здания до скелетов, но теперь почему-то щадя камень и дерево! – покатились до Белоярки, залезая аж в тундру, и одновременно до Шаима, сея ужас и страх; как грамотный полководец, Зона брала в кольцо всю эту беснующуюся, воющую от ужаса и беспомощности людскую массу, гнала их впереди себя радиацией, солнечными палами, песочными смерчами. И стала преподносить более жестокие сюрпризы.

Песок стал проявлять самое поганое своё свойство – текучесть. Он научился неожиданно вскипать, как море, становится белой пеной; он и так был мелок, невероятно мелок – это был даже не песок – нет, это был порошок, супесь, пудра... Он вскипал на целых полях и поглощал всё, что торопилось убежать поверху, по простым дорогам и рельсам. Так пропали на экранах радаров двадцать броневиков Югорского Нацбанка, по пять тонн золотых слитков в каждом: пропали в одну секунду, вместе с охраной, амфибиями, бронетранспортёрами, передвижными радиостанциями – вот были они, и нет; только белая позёмка бежит по глади зыбуна. Над местами таких вскипаний начали падать транспортные и военные самолёты, проваливались сначала в полный вакуум, неизвестно отчего образующийся над такими проплешинами – а затем и туда, в эту нежить... Бесследно... Зона не любила оставлять следов. Это сейчас она успокоилась и заматерела, наелась и обленилась; позволяет себе лениво бросать недоеденные куски – как то, что видят камеры на датчиках от первого до шестого: Вагоны, Лимузин, Самолёт, Виадук, Мачта и Вокзал.

Впрочем, вряд ли Зона делала это из чувства жестокости: нет, она просто брала своё. По крайней мере, Байму казалось так сейчас, на исходе тринадцатого года Аномалии. Она прогоняла людей со своей территории. Расплескавшись на пространстве на пятьсот тысяч квадратных километров – не сразу, а рывками, приводящими в ужас всех, рывками неожиданными, хоть и небольшими, она, наконец, замерла – безмолвная, мёртвая, пустая, занесённая белым песком – сплошная равнина сахара или соли, кому как нравится, играющая барханами, словно мышцами...

Карантинная Зона «Югорская Природная Аномалия» – так и называли поначалу, это потом понапридумывали аббревиатур и наплодили вокруг всяких проверяющих, контролирующих да инспектирующих. Огородили, окольцевали, окружили плотным кольцом, нагнали военных, ни чёрта толком не понимавших, кроме одного: не пускать и не выпускать; впрочем, пускать было некого, кроме отдельных, сдуру рвавшихся туда мародёров – и выпускать тоже некого, ибо ничего белкового, жизнеспособного, в Зоне не осталось, ни людей, ни живности, никакой...

Ну, а потом открыли Т.О.Т.

Байм тогда как раз заканчивал высшую ступень Тайского Национального Полигуманитарного колледжа.⁸

Он моргнул, посмотрел на экран: программа, загрузив в матрицу данные со всех шести датчиков, показала ему бледные пальцы международного знака ОК. Байм одной клавишей поставил информацию в очередь на обработку и последующую отправку; теперь только переводить это всё в бумажную версию. Но сначала надо позавтракать.

⁸ В описываемое время человек идёт в школу в 10 лет, обучение длится до 25 лет, затем 10-летнее обучение в вузах со стажировками, в 35 лет он начинает работать по специальности, в 40 лет сдает экзамен на специальность и начинает карьеру.

Он вздохнул, и, легко вынеся своё молодое тело из эргокресла, направился в кухонный блок.

05:45 АТ

Наблюдательная станция – пять белых шаров на невысоких бетонных опорах, поставленных, в свою очередь, на гусеницы из углеводородного волокна. Сверху видится россыпью яиц неведомого насекомого. Рабочий модуль, спальный модуль, кухонно-бытовой модуль, рекреационный и лабораторный. Ещё ангар... В каждом модуле под потолком – табло YougraNews:⁹ показывают либо время по АТ, после каждого сдвига, либо передают новости. Он пробовал отключать их к чертовой матери, заработал предупреждение. Шестьдесят восьмая поправка к Конституции ЕВРАЗЭС:¹⁰ каждый гражданин имеет право на информацию, отказ от получения информации считается преступлением против общества.

Единственное, что можно было, так это настроить звук на минимум, чтобы слышалось только фоновое, негромкое бормотание.

Если прислушиваться, то от унылого официоза заболит голова.

...Генеральный секретарь ЕВРАЗЭС, господин Ку Хуи Гоу, одобрил план создания международного комитета по исследованию Самотлорской аномалии. В ближайшее время в Мумбае пройдет конгресс по изучению Аномалии, который соберёт более трёхсот видных учёных со всего мира. План контроля Зоны из космоса предложил госдепартамент О.Ш.А.¹¹ Для этого предполагается задействовать крупнейшую орбитальную станцию «Солидарность-2050».

Байм смотрел на полки универсального продуктового контейнера. В одном – гладкие розовые капсулы нуритина. Одна такая капсула обеспечивает калории, необходимые организму на двенадцать часов жизнедеятельности и почти полностью усваивается организмом: посещение туалета уже не требуется. На таких таблетках живут почти все операторы сендпакеров, бэкпайдеров,¹² стейшн-памперов¹³ и других машин Гидромеханизации SDC. Девятичасовой рабочий день, от управления не оторваться, раньше им выдавали поглощающие корсеты – но даже если ходить под себя, сидя в просторной кабине сендпакера, даже если там оборудован биотуалет, а современные модели идут в комплекте с ним, это всё равно некое отвлечение от рабочего процесса; Байм по себе знал: это как семьяизвержение, требует концентрации внимания... Поэтому работяги ели таблетки горстями: сыт, напрочь отбивает мысли о еде, и выделений – с гулькин нос. Некоторые увлекались до того, что потом приходилось убирать атрофировавшийся желудочно-кишечный тракт полностью, заменять биомеханикой: ничего, и с этим живут.

Нет, таблетки мы оставим на чёрный день, тем более, что их хватит ещё на пару сменщиков Байма.

Кстати, не от них ли умер Неримус?

Оставим это, оставим, не надо об этом думать, дружок, это неконструктивно и бесполезно, нет... Подумай о том, что ты будешь есть на завтрак. Бледно-палевый брикет универсального питания – вставить в автомат, и набрать код. Один из триста пятидесяти вариантов белковой пищи. Суши? Люля-кебаб? Гуляш? Хачапури? Или заливной поросенок с черемшой...

⁹ *YougraNews* – информационный холдинг, в котором 75 % акций принадлежит компании «Самотлор Дистрибьюшн» и 25 % – ЕВРАЗЭС.

¹⁰ *ЕВРАЗЭС* – Евразийский Экономический Союз, государство, образованное в 2040 году на территории РФ, Китая, Северной Турции и ряда других стран.

¹¹ *О.Ш.А.* – Объединённые Штаты Америки, государство, образовавшееся в результате союза стран северной и Южной Америки, исключением Гренландии, Нейтральной территории Аляска, Чили и Перу.

¹² От англ. *bakingpowder*, «разрыхлитель», одна из рабочих машин Основных Сил Гидромеханизации.

¹³ От англ. *pump*, «закачивать насосом», то же.

Рассеянно посмотрел вверх, в низкий потолок модуля – по привычке и опять наткнулся на картинку. Монитор показывал очередной ролик SDC.¹⁴

Проект «Вавилон-2080» вступил в решающую стадию. Вторая очередь работ на суборбитальной станции «Зевс» завершена... Исполинский червь, чья пупырчатая кожа состоит из углепластика, титана, потом снова углепластика и оксидиана, ввинчивается в небо, пронизывая все слои атмосферы. Он уже прошёл два купола Зоны, теперь его собирают в ближнем космосе, в почти безвоздушном пространстве. Пятьдесят километров вверх, за линию Кармана; до стыковки с «Зевсом», Первым Узлом перекачки, ещё полсотни километров, работы планируется завершить за два года. Передовая бригада монтажников Хулио Арренаса перевыполнила план прошлого года на тридцать процентов...

Да, когда открыли Т.О.Т., или «эффект Фреймана», это и началось.

Кому она была нужна, эта Зона? Никому. Сотня-другая диссертаций, тысячи монографий, копошилась вокруг линии карантина несколько десятком международных исследовательских станций. Ни чёрта не выяснили. Песок, как песок. Диоксид кремния, чего тут нового? Ну, почти чистый кварц. Ну, ещё почти все элементы таблицы Менделеева в примесях. Ну, небольшое количество радиоактивных изотопов...

Много его, этого песка – хоть ешь.

Пока какой-то умник из «Фрейман технолоджиз» не засунул песок в вакуум. И не облужил его подобием «солнечного ветра». Это случилось где-то на краю Карантина, кажется, на исследовательской станции Някимволь-33. И был шок...

Скачок напряжения вырубил все электросистемы на четыреста километров вокруг, до Югорского карантинного поста. Аппаратура международного космопорта «Печёры-2», сошла с ума, лунный челнок «Мэйфлауэр» болтался на орбите, сделав два оборота вокруг Земли, пока не отправили на вынужденную посадку в другое место.

Оказалось, что одна тройская унция¹⁵ песка даёт почти столько же энергии, сколько килограмм урана при цепной ядерной реакции. Это тысяча стоваттных лампочек, работающих в течение года... открытие было шоковым! Песок из Зоны на 99,7 % состоял из чистого диоксида кремния. Под воздействием гелиево-водородной плазмы в вакууме он волшебным образом переходил в практически чистый кремний, так называемый «солнечный», который раньше использовали, как фотоэлектрический преобразователь, то есть солнечную батарею...

Очевидно, в этих самых белых кристаллах было ещё что-то, неизвестное науке, что превращало его в сумасшедший и бездонный источник энергии.

Даже первые робкие сообщения об этом вызвали обвал на биржах. В первый месяц лопались нефтяные, газовые и угольные концерны, президенты и вице-президенты сходили с ума, травились, стрелялись или бежали на тихоокеанские острова с чемоданами украденных денег. Казалось, человечество вступило в Золотой век, с дармовым нескончаемым топливом – и всё, история цивилизации изменится самым неузнаваемым образом. Но потом на энтузиастов пролился второй ушат холодной воды...

¹⁴ *Samotlor Distribution Company* – компания, созданная в 50-е годы XX века и получившая особые права на управление и обслуживание Самотлорской Зоны. Инициатор проекта «ВАВИЛОН-2080».

¹⁵ *Тройская унция* – около 31 грамма.

Всё потому, что Някимволь-33 находилась всё-таки в зоне Карантина: блокпосты стояли гораздо южнее и западнее, на Саблинском хребте. Когда первые унции песка, запаянные в герметичную оболочку, стали доставлять в лаборатории Большой Земли, все надежды рухнули.

Песок, вывезенный за пределы карантинной Зоны, оставался простым песком. Диоксид кремния... Или альфа-кварц, или кизельтур, или «горная мука», но всё равно – не более, чем материал, которым разве что посыпать детские площадки. И то вряд ли: негигиенично, тут только синтетический гравий.

Т.О.Т. – «ТвердоОбъемное Топливо» было, наверное, последней шуткой Зоны в отношении человечества; самой злой её шуткой. Песок терял все свои чудесные свойства там, за пределами пространства, которое породило его: как бы его не вывозили – наземным ли, воздушным транспортом. Угробили кучу денег, людей и техники. Поняли, бесполезно. Исследовать песок внутри Зоны было почти невозможно, а исследовать за пределами – бессмысленно.

И тогда появилась «Самотлор Дистрибьюшн Компании», со штаб-квартирой в Пхеньяне. И глобальный проект «ВАВИЛОН-2080»: построить из Зоны трубопровод на околоземную орбиту. Потому, что датчики на ракете, запущенной военными из Сосьвы, где сохранился практически нетронутый Зоной секретный космодром,¹⁶ показали: твёрдообъемное топливо, тот самый аномальный песок, полностью сохраняет свои свойства, будучи перемещаемым вертикально, в космос. Правда, ракета взорвалась уже на двухстах километрах, от резкого повышения температуры – но суборбитальные крейсера «Максим Горький» и «Старски энд Хатч» до сих пор ходят на трёх унциях песка, «активного кремниевого концентрата», дремлющего в их энергоблоках, в своё время доставленного на орбиту в экспериментальном порядке – Т.О.Т. исправно сообщает этим монстрам гиперзвук, около 5000 м/сек.

Вот тогда за Зону взялись всерьёз.

Байм, набрав нужную комбинацию на простенькой, желтоватой от старости, панели – он выбрал всё-таки тайский суп том-ям! – обвёл взглядом кухонно-бытовой модуль. Он знал его наизусть, мог бы передвигаться тут с закрытыми глазами, по шагам. Самое неприятное – за стерилизационным занавесом.

Санузел.

Если ты не пользуешься таблетками нуритина,¹⁷ то это для тебя – самое важное место. Или одно из самых важных.

Впрочем, к нему он не привык до сих пор. С детства помнил это приятное ощущение вакуумного унитаза: сел, и уже ощущаешь ласковую силу, прилегающую к телу снизу – такое липкое, обволакивающее прикосновение; в теле делается легко, ты как будто паришь, отделяя от себя все остатки; ни запаха, ни звука, ничего – как ангел. И полная дезинфекция. Чисто. Красиво. Гигиенично...

Такие вакуумные санузлы сопровождали его с детского сада – собственно, более ранние времена он и не помнил.

А тут – всё тоже, но надо ухаживать за собой самому, брать в руку влажную гигиеническую салфетку и пусть аппарат всё утилизирует, даже запах подавляется, но необходимость прикосновения к собственному обнаженному телу раздражала. Бесила. Отзывалась внутри брезг-

¹⁶ *Сосьвинский космодром* – стр-во начало в 2040 г., прекращено в 2055 г. в результате Аномалии; большая часть наземного оборудования успешно демонтирована и использована при постройке совр. Международного космодрома «Печора-2» (SAMOTLOORCOSMOPORT) в 2057 г.

¹⁷ *Нуритин* – пищевая добавка, синтезированный белок, «заменитель пищи», исп. в различных вариациях и формах, изобретён в 2035 году корп. «Джонсон энд Джонсон», первоначально в военных целях. Полностью усваивается организмом, не задействует органы кишечника.

ливостью. Байм держал руки под струей дезинфицирующей влаги до тех пор, пока не начинал пищать зуммер, возвещающий опасные перерасход воды... До самого конца.

Чистота – это всё, последняя надежда человечества.

Самое отвратительное в информационных сюжетах, которые целый день крутятся на табло – это то, что картинка поневоле притягивает внимание. Как *они* это делают, неизвестно; версий много. Говорят, используются какие-то «активные пиксели», которые воздействуют на сетчатку глаза или какой-то другой фотосигнал. Поднимаешь глаза и смотришь. Вот труба ввинчивается в стеклянную синь неба, будто чем-то окрашенного; она кажется прозрачной, но это обманчиво – все знают, что над Зоной, если только нет пылевой бури, вечный день, вечное сияние голубизны и только если что-то доходит до границ этой презрительно-равнодушной глади, тотчас расплывается в очертаниях, размазывается по ней...

Вот ползет на восьми шарообразных катках сэндапакер с уродливой кабиной-шишкой: он сгребает песчаный вал, который, как живой, собирается под его ковшом, напрягается кипучей жилой, слепляется в шары неправильной формы и норовит раскатиться прочь; такое перекасти-поле Зоны. Один большой сэндапакер страхуют три-четыре бэкпайдера, накрывая колпаками шары и удерживая их, дрожащие, шевелящиеся комки – они разрыхляют их и гонят к стейшн-памперу, грибообразной формы. Тот закачивает песок в резервуары, и начинает склеивать их, хрипит, исходит зловонным дымом и паром, ревет от натуги – а потом, как насытится песком, ползет в сторону большого коллектора, сплетения труб; это километров пятьдесят по барханам... Со стороны кажется, что громоздкие машины жёлто-красного цвета играют во что-то вроде футбола, играют плохо, теряя мячи. Эффективность работы сэндапакеров до сих пор только шестьдесят процентов, поднять эту планку не удастся, а из герметичных отсеков стейшн-памперов неведомым образом испаряется до двух третей собранного песка.

Песок – это Зона. Такое ощущение, что он живой и об этом всерьез говорят некоторые ученые – впрочем, как раз всерьез их никто не принимает.

И особенно «Самотлор Дистрибьюшн компани», получающая деньги от правительств пятнадцати стран. Бригада Хи Ван Хая освоила эффективный метод коллективной работы... общая выработка поднялась на 3,5 процента... Премия ожидает героев трудового соревнования.

Кухонный аппарат, пискнув, оповестил о готовности супа ям.

Байм вынул одноразовую тарелку с горячим супом, устроился в эргокресле, быстро принявшим форму его тела – кубы этих кресел стояли по всей станции и принялся за еду.

08:30 АТ

По теоретической синтетике и прикладной гигиене Байм всегда имел самые высокие оценки – до 9,7 балла.¹⁸ Наизусть знал таблицу заменителей природных калорий. И даже приучил себя к наслаждению пищей из водорослей, сои, пищевой целлюлозы и сублимированного белка. Она стала частью его, тем более, что чаще всего он питался качественным фаст-фудом – а чем же ещё? Он помнил, как перед самым получением квалификации, за три года до начала работы на Станции, попробовал натуральное вареное яйцо: кажется, у них был корпоратив в элитном пищевом комплексе, где-то в Москве-3: его вырвало, он отлеживался несколько дней.

Правда, всё это время чего-то хотелось... чего-то с другим вкусом. Непривычным. Да, суп ям в меру остр, и прян, но это всё-таки не то. Он начинает улавливать всё те же нотки постоянного, какого-то бумажного вкуса: суши, чахохбили, лазанья, чего он только не перепробовал за эти годы на Станции. Основной вкусовой фон не меняется. Хотя это, возможно, от настроек старой модели пищевого комбайна, а их не поменяешь, интерфейс устарел. К супу он взял только две галеты: это ещё прошлогодние запасы, мука канадская, в Зоне она самая дорогая, как и яичный порошок – осталось не так много пачек, надо поберечь.

Откусывая галету, держал руку – лодочкой, под подбородком, чтобы не терять даже крошек.

Байм старался есть медленно и аккуратно, чтобы не спровоцировать желудок на слишком быстрое выделение желудочного сока. Еда – важный компонент процесса жизнедеятельности. В пятом параграфе Декларации здорового питания она определяется, как одна из обязанностей человека перед обществом. Это серьезно.

И не рекомендуется думать – хотя это невероятно трудно.

Почему-то он всё время вспоминает, как это всё началось...

Через пять лет после Аномалии уже никто не боялся Зоны. Её уже объели по краям, как мыши – щучий хвост. Неподалеку от горы Народной на Северном Урале вырос главный административный центр Предзонья – Алешково, или Aleshkoff-City. Главные офисы Окружной Санитарной полиции, Департамента естественной безопасности, Ресурсного Управления. Главный госпиталь, главный дурдом – тоже никогда не пустовавший! – главный пищекомбинат, в частности, выпускавший Нуритин-6.1., Главное Управление гидромеханизации и, конечно же, Оперативный штаб «Самотлор Дистрибьюшн» с Аналитическим отделом, которому Байм отправлял данные. Плюс – транспортно-логистический терминал, службы сопровождения, комбинаты обслуживания, рестораны, казино, кинотеки и голограммнии, роботессы-проститутки, подпольные букмекеры, контрабандисты, придурки, спекулянты, бандиты, просветители и целители, сектанты, пьяницы, инвалиды, проповедницы партеногенеза, воинствующие экологи и гей-активисты, журналисты и наёмники всевозможных специальностей.

Они трепали Зону, как хотели.

SDC нужна была работа и работяги. Работягам нужны были деньги и отдых: бабы и выпивка. Поставщикам баб и выпивки нужны были деньги. А деньги отбирала налоговая служба, стригущая этот лишай неумолимыми ножницами: разрешено всё, что не запрещено, а что запрещено, мы тоже разрешаем в виде исключения, только плати, сколько положено. Всё очень демократично, толерантно и ничего личного.

¹⁸ Здесь и далее ссылки на образование международного стандарта Fi-Pi(фай-пай), имеющее 65 базовых дисциплин, из них 23 – гуманитарного характера и 10-балльную шкалу.

...Основные силы гидромеханизации, бригады и артели Основных сил гидромеханизации вгрызались в Зону с северо-запада, от Сосьвы, и с юга, от Увата. Ещё один, экспериментальный участок, располагался в Пыть-Яхе, где Зона, казалось бы, отступила – по крайней мере, люди говорили, что там видели *траву!* – но толку от него было мало и он давал основное количество обгоревших, изъеденных непонятной язвой изнутри, а то и просто ополоумевших; работы там велись ни шатко, ни валко, в официальную хронику не попадали, а файлы, конечно же... засекречены.

Сэндпакеры и бэкпайдеры, сопровождаемые неуклюжими стейшн-памперами входили в белое безмолвие Зоны – предварительно проверенное командами зачистки, и валяли песчаные катыши. Команды же «чистильщиков» шли дальше, но до сих пор так и не смогли войти ни в один покинутый город: там, где бетонные скелеты зданий высились над песком на 4–5 оставшихся этажей, Зона уже угрожающе скалила зубы. Самыми страшными считались районы бывшего Ханты-Мансийска, Нижневартовска, Мегиона, Сургута, Нягани и Лангепаса; с разной степенью восхищения перед чудовищными способностями Зоны о них рассказывали всякое...

В Нягани временами слышался подземный вой; под песком дремали несколько тысяч тонн железа, брошенного тут при эвакуации – тяжелая техника, трактора и бульдозеры – они ушли по крыши в болото, сверху присыпало песком и периодически рождался ультразвук такой силы, что людей просто стирало в порошок, в желеобразную массу, разрывая оболочки клеток – так погибли полностью несколько отрядов зачистки. В Мегионе происходили вспышки неясного происхождения, удивительной красоты изумрудный свет, названный «зелёным лучом», парализовал зрительные центры – сколько ослепших вернулось оттуда, не пересчитать; приходилось вставлять протезы и чипы, целиком заменяя отмершие доли мозга био-конструктором. Рассказывали о живых грибах, росших на территории бывшего Национального парка Нумто, о когалымских нитевидных кристаллах, прораставших внутри человеческого тела, о призрачных шарах из Покачей, расплюсчивающих в лепёшку бронированные коробки армейских машин...

Самым загадочными были явления в Перетребном, которое молва уже давно перекрестила в «Непотребное» – там творилось что-то вообще за гранью человеческого понимания, потому, что когда у первых пяти пострадавших мужчин – из числа контрабандистов, охотников за «штучками», за кунштюками Зоны, из серии «молодильных камней» и «веселящей воды», когда у тех обнаружили человеческий зародыш, развившийся самым непонятным образом в мочевом пузыре – уже умерший там да сгнивший, впору было переписывать все известные законы биологии и анатомии.

Да, с точки зрения мутаций Зона давала фору всем ранее известным физическим явлениям.

Одни «белые волки» чего стоят. И «хищная еда».

Ну, а в Някимволе, также менее всего тронутым Зоной, сравнительно спокойном, избавленном даже от пятенzybучего песка или радиоактивного тумана, выросла другая, неофициальная столица Зоны. То же самое, только без главных офисов – такие же круглые модули, как и наблюдательная станция Байма, только побольше; те же штабы управлений и департаментов. Те же подпольные рестораны и казино, те же роботессы для интимного общения, чиновники, инженеры, инспекторы, букмекеры, контрабандисты, бандиты, военные, пьяницы, работники, журналисты и ещё туча разного сброда, по-своему кормящегося от Зоны.

Ну, это как раз никого не удивляло.

Байм лениво выронил тарелку и ложку, вместе с гигиенической салфеткой, в утилизационный контейнер, выдавил в рот из тюбика порцию обеззараживающей пасты, подышал по системе доктора Марвуса: оптимизировать работу желудка и вернулся в рабочий модуль.

Совсем скоро, к очередному временному сдвигу, надо выходить на периметр, снимать показания с датчиков.

09:44 АТ

Пришли два служебных сообщения из Центра; пришли по защищённому каналу связи и поэтому сейчас они просеивались через две ступени скремблеров, дешифровывались. Please, wait – просил монитор. Хорошо, подождём... Байм, разминая мышцы, потянулся всем телом в эргокресле¹⁹ – в рабочем блоке всё рядом, как в рубке орбитального дрим-чейзера,²⁰ минимализм; включил боковой монитор простой связи – через местную, действующую только в пределах зоны, сеть **AreaNetwork**, можно с кем-нибудь поболтать, если кто на связи. Конечно, у него не так много друзей, а уж тех, кого он лично видел, вживую – вообще единицы. И к тому же большая часть постоянно занята.

Лу вне сети, наверняка заперлась в лаборатории, провидит бесконечные исследования. Тайзе из Мехико летит 16-м рейсом лайнера Galactic Cabby на Марс, в колонию, тоже вне доступа. С инспектором Лихоимом разговаривать не хотелось: он наверняка испортит настроение. Вот разве что Семён из Второго отряда Гидромеханизации.

Пожалуй, так.

Пока звонок добирался до Семёна Штольца, старшего оператора смены, и левел-инвентора – это 4-й кластерный чин! – Байм посмотрел на цифры, бегущие в уголке монитора. Его квота на общение ещё пять часов, на эту неделю вполне хватит. Потом писать отчет об использовании. Это везде... Отчёт и квота, квота и отчёт. По квотам питьевая вода на станции, бумага – отчёт по каждому листу, чёртовы галеты, даже грифель с иридиевым наполнителем и то по квотам. Байм вспомнил часто транслируемые, в самых различных вариантах слова Ван Винкля, голландца украинского происхождения, президента «Самотлор Дистрибьюшн»: «Компания ничего не зарабатывает. Компания только тратит и кормит. Компания работает на благо всего человечества. И долг Компании – строжайшая экономия. Мы не имеем права разбазаривать наше будущее...».

Конечно, мы не можем ничего разбазаривать. В зарботке любого человека в Зоне – только 30 % выплат от Компании. Остальное – международные бонусы; да, получают здесь раза в два больше, даже чем строители трансконтинентальных трубопроводов на Ботте,²¹ но Компания ничего не тратит. Точнее, она тратит и кормит, поит и одевает, она экономит...

Видеоизображение Семёна всплыло на экране, как масляное пятно на поверхности воды: сначала не очень чётко, переливаясь, а установившись, так и не набрало ни резкости, ни яркости.

– Хаю, фрэнд! – приветствовало Байма это масляное пятно – Как ты там лайваешь?²²

Несомненно, это русский, с чудовищными вкраплениями английского, точнее, уолдспика,²³ на котором говорили почти все жители Евразийского континента. Еще в колледже

¹⁹ **Эргокресло**, от сл. «эргономическое» – самопрограммируемое устройство поддержки поз сидящего человека, включает себя контейнер с наполнителем и изменяемыми пространственными параметрами, датчики веса, формы и управляющий чип.

²⁰ Общий термин, по англ. названию космического аппарата, разработанного компанией SpaceDev в начале XXI в., «Dream Chaser» (рус. «Бегущий за мечтой»). Первые корабли такого рода напоминали уменьшенную копию челнока «Шаттл» и активно использовались на околоземной орбите. В настоящее время используемые для патрульной и разведывательной космической службы аппараты CST-100/110 (Boeing), «Дракон» (SpaceX), «Клипер» (РКК «Энергия-П») называются этим общим термином, представляют собой небольшие аппараты на ионной тяге для экипажей от 3 до 7 человек.

²¹ **Ботта**, она же экзопланета HD69830dв созвездии корма. Плотные облака из водяного льда создают атмосферу, близкую к земной, однако большая часть планеты покрыта ледовым панцирем, дуют ураганные ветра; глубоководный мир не исследован и считается потенциально опасным.

²² Искэж. «живёшь», от англ. live.

²³ **Уолдспик**, от англ. world-speak, специальный адаптированный вариант английского языка, разработанный лингви-

преподаватели английского поправляли Байма, когда он говорил «чересчур правильно», сейчас эта манера стала повсеместной.

– Акей, френд! – Байм показал пальцами привычный жест, хотел улыбнуться, мысленно представляя, как будет выглядеть его улыбка, если изображение в модуле старшего смены такого качества, как и здесь... и воздержался – А ты там справляешься? Не устал?

Он едва не добавил «...от трудов праведных», но вовремя прикусил язык, во-первых, Второй закон толерантности, а во-вторых, Семён может и не понять, это уже архаика речи.

Масляное пятно заиграло бликами. Это улыбка. Круглое лицо Семёна Штольца, более всего напоминавшее румяный шар, пришло в движение. Он и сам весь круглый, розовощёкий, лопающийся от внутренней силы, образец здорового человека XXI века... Но Байму не стоит перебарщивать с мимикой.

– Бонус идёт! – радостно пробулькал Штолец – Воркую²⁴ помалу. А я себе*мышку запустил*, имэйджишь?²⁵

Байм ответил тем же словом, нехотя; понимая, о чём говорит Штолец, он этого не одобрял и сам никогда не пробовал.

...Зона не жаловала три вещи: пластик, бумагу и стекло. Как нарочно, именно те предметы, которые последнюю сотню лет обильно оставляло после себя человечество в виде использованной тары и упаковки. Впрочем, всё это достаточно спокойно существовало в пределах герметично закупоренных кабин всяческих механизмов, в стерильных модулях станций и рабочих отсеков, но не там, что можно было бы назвать «свежим воздухом».

Оно там испарялось. Полностью.

За исключением стекла; хотя – никто и никогда не видел в зоне ни одного осколка стекла. Ни крупинки. Это при огромном количестве разбитых окон домов в городах, осколках иллюминаторов и стеклах брошенных машин. Оно исчезло – а то, что осталось, превратилось в чёрные, совершенно непрозрачные камешки, будто бы сплавилось, побывало в гигантской печи; это установили сравнительно просто, хроматографическому анализу камешки поддавались – да, силикат натрия с рядом совершенно неизвестных науке примесей. Эти камешки валялись россыпями в Зоне, в некоторых местах. За ним охотились группы контрабандистов – потому что именно эти, золотисто-коричневого цвета окатыши, и называли «молодильными камнями», а по-научному «фунгитом».

Фунгит не растворялся ни в одной из известных кислот; не поддавался воздействию лазера, не горел и ничем не размельчался. Просто с течением времени он распадался без всяких видимых усилий сам, уменьшался в размерах – стремительно, словно обладал какой-то программой самоуничтожения; поэтому и ценился так дорого – срок жизни кусочка фунгита размером с горошину составлял около двух недель...

А еще его называли «универсальной таблеткой». Да! По решению Международного Трибунала по вопросам здравоохранения²⁶ он был запрещён, как все несертифицированные лекарства нехимического, внелабораторного производства; но это никого не останавливало. Его глотали, этот фунгит – и тогда можно было заниматься сексом три, пять, семь суток кряду; не спать неделю; обходиться без пищи и воды десять дней. И омолаживать организм, возвращая себе

стами для международного использования в 2030-40 гг. Имеет письменные версии на латинице, кириллице и универсальной иероглифике.

²⁴ Исканж. «работую», от англ. work.

²⁵ Исканж. «представляешь», от англ. imagine.

²⁶ **Международный Трибунал по вопросам здравоохранения (МТВЗ)** был создан, как подразделение Всемирной организации здравоохранения в 2041 году, на основе комиссий Международного Гаагского трибунала. Караёт за «преступления против здоровья человечества и санитарный терроризм».

лет десять-пятнадцать, судя по медицинским показателям. Что-то ещё он делал, то ли разглаживал морщины, то ли увеличивал размер пениса – однако это уже относилось более к слухам... а проглотить кусочек фунгита называлось «запустить мышку» потому что при любом УЗИ-контроле приборы начинали пищать, как это напрочь забытое на Земле существо.

– И как ощущения? – спросил Байм, чтобы не обижать Семёна.

– Брависсима! Полный лайф!²⁷ Через пару дней хюлидаю,²⁸ нашел приезжую. Арендуем пентхаус в Алешкофф-Сити, будем гулять...

Изображение стало чуть резче: показались контуры довольно большого операционного зала, в котором Штольц сидел за подковообразным столом, контролируя работу пяти бригад на Сосьвинском направлении: это порядка двухсот машин, и полсотни младших операторов звеньев. Ему чуть больше, чем Байму – ему шестьдесят, самый трудоспособный возраст, уже есть опыт, уже построена карьера; шутка ли – старший дежурный смены. Уровневый инвентар, это пожизненная пенсия SDC, которую можно передать детям. Это гарантия замены 99 % органов бесплатной качественной биомеханикой, в случае травмы или болезни – за исключением органов головного мозга, конечно. Это дармовая ипотека для участка на Kepler-438B в созвездии Лира, она же Элизия: 0,96 по индексу ESI, индексу подобия Земле... говорят, там тёплый и сладкий океан. Участки там идут за бешеные деньги!

А на Земле – уважение. Сотрудники. Статус. Как говорит господин Ван Винкль: «Компания не дает вам больших денег. Но она даёт огромную уверенность в будущем!».

И вот «мышку» запустил... Конечно, одной уверенностью в будущем сыт не будешь. Жить хочется сейчас.

О контрабанде фунгита, и не только его, конечно, знают все. Но она всем выгодна. Инспекторам, полиции, работягам, инженерам и даже таким менеджерам, как Семён...

Штольц оборачивался, смотрел на подчинённых в белых халатах – поголовье их, как стадо тонкорунных овец, паслось на заднем плане, за стеклянными перегородками индивидуальных рабочих кабин. Тугие щёки его горели сытым румянцем; кажется, раньше про такой говорили – «кровь с молоком», бредовая фраза, конечно, как это кровь может быть с молоком?! Молоко – идеальная питательная среда для размножения болезнетворных микробов... Что-то сказал кому-то, непривычно жёстко и зло. Потом повернулся к монитору видеосвязи.

– Мой аккумулят²⁹ уже три тысячи чеков. Завтра буду закрывать лэйн.³⁰ Слушай, говорят, одну бригаду будут забрасывать к вам, на Юган... я могу мэкнуть задачу³¹ ...

Байм поморщился. Зря Семён об этом начал!

Последний год у него складывалось четкое ощущение того, что Зона пристально следит за ними, человеками, решившими ступить на её территорию. Слушает их. Станным образом Зона не трогала каналы «защищённой связи» – правительственной и служебной, по которой шли шифрованные приказы, отчеты, донесения, распоряжения и сводки и тому подобная скукота. Но стоило кому-то раскрыть рот и заговорить о Зоне по банальному видеоканалу, как тут же некая сила обрушивалась на говорившего, точнее, на его речь, уродуя её с каким-то особенным цинизмом.

Нет, даже звук не приглож, не зашипел – разве что тембр голоса Штольца стал чуть более квакающим.

²⁷ Искаж., анал., «отлично!», от англ. *life*.

²⁸ Искаж. «отпуск», от англ. *holiday*.

²⁹ Искаж. «накопительный вклад», от англ. *accumulation deposit*.

³⁰ Искаж. «кредит, заём», от англ. *loan*.

³¹ Искаж., имеется в виду «устроить спецзадание», от англ. *maketask*.

– Тот факт... что мой долг... струи тонера в жилом... секторе. Они... имеют определенную производственную... мощность. Расширяет... летом на восточной стороне... автономный. Я буду... быстро и озера.³²

Это всё «эффект транслейтера», о котором говорили разве что пилоты космических крейсеров, забирающихся подчас в довольно далекие уголки Галактики; поблизости от чёрных дыр пространство захватывало канал связи и начинало словно быть крутить одну и ту же фразу, гонять её по кругу в бесконечном хаотическом переводе с уолдспика на русский, с русского на английский, с английского на хинди и опять на уолдспик, что полностью уничтожало изначальный смысл. Справиться с расшифровкой такой фразы не могли даже логические программы...

Вот и сейчас: Зона услышала Семёна.

И моментально перемолола его речь в невидимой дробилке.

При этом сам он слышал себя великолепно и даже не догадывался, с каким чудовищным искажением доходят его слова до Байма.

Благодаря тому, что болтовня приятеля на какое-то время стала совершенно бессмысленной – Байм мог позволить себе только кивать, лишь предполагая, о чём говорит Штольц! – он смог отвлечься и посмотреть на основной монитор. Два сообщения из центра оказались, наконец, дешифрованы и, к счастью, высветились на экране на правильном, стандартном русском языке.

Первое представляло собой официальный ответ на очередной запрос Байма о причинах смерти его предшественника, Олави Неримуса, долговязого доброго финна.

Второе сообщало о том, что по рапорту Байма о систематических сбоях в работе датчиков Один и Три, с инвентарными номерами такими-то... в распоряжение дежурного наблюдателя Станции 19/68 направлен апологизированный наладчик номер 2690-055, который прибудет на Станцию ориентировочно...

Если не будет серьезного сдвига, то через три часа.

– Вы знаете, мне нравится... дерьмо серьезно... этой в стиле. Я не могу смотреть верха... на пятый сектор, они... в ряды всегда... рано едут или я...³³ – озабоченно сообщил Семён.

Байм всё-таки улыбнулся – вымученно и показал пальцами двух рук что-то вроде положенной набок буквы «Т», что означало: приятель, важное входящее сообщение, отбой связи!».

Он соврал: буквально на миг ему стало противно от этого поступка.

³² Искаж. помехами перевода: «Это бригада, которая принадлежит к Управлению гидромеханизации сектора Пыть-Ях. У них особое производственное задание. Она выдвигается на северо-восток с автономной базой. Я возьму быстрый транспорт и могу быть у тебя».

³³ Искаж. помехами: «ты знаешь, работа серьёзно высасывает... я не могу уследить за пятым сектором, они всегда идут с опережением графика, но я работаю над собой, я...»

10:23 АТ

Одно хорошо: «апологизированный наладчик» – это просто человек. И дело тут не в чудачествах скремблера или косноязычии чиновничьего языка. Это термин, соответствующий Первому Закону Толерантности и официально рекомендованный к употреблению в письменной речи Международной комиссией по наименованиям.³⁴ А что говорит Первый Закон? Очень просто: «Нельзя именовать субъекта именованием, подчеркивающим либо тем или иным способом обозначающим его расовые, биологические, санитарные, видовые, поколенческие, родственные, физико-анатомические либо биоконструктивные особенности, в случае, если таковые особенности являются необходимым и достаточным определением именуемого субъекта». Это всё очень просто, и Байм прекрасно помнил, как объяснял им в колледже инспектор по этике: нельзя называть негра – чернокожим, так как обладатели белой или иной по цвету кожи могут ощутить своё превосходство; нельзя называть мать – матерью, так как это говорит о большем предпочтении её в ущерб отцу; нельзя называть человека инвалидом потому, что это говорит о его неполноценности. Нельзя, разумеется, называть девочку девочкой, а женщину – женщиной, так как это говорит о преимущественном разделении населения планеты на два пола, и ущемлении прав третьего пола, представляющего собой синтез остальных.

Нельзя называть убийцу – убийцей, так он не виноват во временном и, безусловно, ситуативном проявлении своих отрицательных черт, а мёртвого – мёртвым, так как это вызывает неприятные ассоциации у людей, помнящих его живым...

И так далее, и тому подобное.

Ну, конечно, это годилось для документов, деклараций, обращений и прочего, но вдолбили им это в головы крепко. Не сдавший экзамен по этике вылетал из колледжа со свистом, несмотря на любые успехи по любым другим предметам...

Черт подери, от чего же всё-таки умер Неримус?!

Нет, дружок, об этом думать нельзя. Просто нельзя. Это хуже, чем позвонить Лихоиму и испортить настроение на весь день.

Радуйся, что летит к тебе «апологизированный наладчик», то есть человек, да, свой, из плоти и крови, а не бионик, точнее, не биоробот – хотя и их тоже нельзя так называть...

Бионики, да. Согласно международному пакту о биоизобретениях, более известному, как закон Дартса – Вейдера.

Это был известный эпизод – он грянул за пять лет до Аномалии, в 2053-м и вошел во все учебники по этике.

Луаньо Дартс, сорокалетний нигериец был пассажиром рейса Земля – Луна, обыкновенного челнока конструкции первых межпланетных полётов; только пассажиром плохим, невменяемым ублюдком, наглотавшимся синтетических тоников – ни фунгита, ни «веселящей воды» тогда ещё не было, а обычные наркотики по большей части везде придавили. Он проснулся сам, каким-то образом отключил систему искусственного сна; разбудил пассажиров. Потом стал угрожать выпустить на волю марсианскую песчаную муху, *Harenambrachypterous*,³⁵ помещенную им в колбу с жидким азотом и каким образом проташенную на борт. Если бы такое произошло, то рейс приземлился на лунном космодроме Армстронга без всего живого, весь в высохшей отвратительной слизи, в которой, кстати, и были бы мушиные яички...

³⁴ Подразделение Международной организации по гуманизму, этике и толерантности (United Nations Organization for Humanism, Ethics and Tolerance, UNOHET), специализированного учреждения ООН, созданного в 2045 году.

³⁵ Хищное насекомое инопланетного происхождения (Марс), открытое биологами в 2051 году, после Глобального Контакта.

А Вейдер – был стандартным биороботом модели RU665, производства одноименной Vader Brothers Technology, работавшим охранником-уборщиком этого рейса уже лет семь. Именно он и попытался остановить Дартса; конечно, он не мог применить никакого насилия к человеку, и был вынужден, проанализировав демагогию Дартса, отдать ему штатный электрошокер. После этого дебошир поставил биоробота на колени и разрядил шокер в его голову – прямо под правую скулу, где находится, так называемый «ключ-чип», или инфокапсула, самый важный узел биоробота.

Вейдер был старой конструкции; да, белковое тело на каркасе, и очень много жидкости – поэтому забрызгало всё с пола до потолка, к тому же это транслировалось по внутрикорабельной связи.

Дартс так и не привёл в исполнение свою угрозу: после расправы с биороботом он нашёл в грузовом отсеке контрабандный алкоголь и напился. Его арестовали в Армстронг-Сити, отправили на Землю и судили международным судом, так как преступление произошло в космосе, являющимся априори нейтральной территорией.

Компания «Вейдер Бразерс» заплатила адвокатам сравнительно немного: просто раскрутка этого дела оказалась удачной. Всё-таки первое показательное убийство биоробота, тело которого было выращено из стволовых клеток, и даже часть мозга, снабженная электроникой... Его осудили практически все, возмущение оказалось всеобщим: четыре пятых пользователей GG на референдуме высказались за смертную казнь Дартсу; и хотя, конечно, таковой уже не существовало нигде, его отправили на Каену, где он наверняка сейчас доживает в подземном тюремном бункере-одиночке.

Показательное уничтожение биоробота отныне квалифицировалось, как преднамеренное убийство с особой жестокостью. Был создан прецедент, появились особые законы, защищающие их почти во всем мире. И получилось, что они...

Они тоже как бы люди!

Вот после этого говорить «биоробот» стало неприличным. После непродолжительных, но жарких дискуссий, ввели обозначение «бионик», то есть «биологический мыслящий объект», применительно к биороботам и «апологизированный биологический объект», применительно собственно, к людям. Конечно, обычные слова никуда из разговорной речи не делись, однако в документах всё это называли именно так... И сам Ван Винкль, выступая с традиционным ежегодным обращением к сотрудникам Компании, вынужден был произносить, жеманно ухмыляясь: «...мои дорогие апологизированные и бионические сотрудники нашей славной компании!».

Одним словом, этот наладчик – человек. И это, черт возьми, приятно!

Так приятно, что хотелось об этом думать просто бесконечно, а совсем не думать – про смерть Неримуса.

Байм мог бы и не читать очередную отписку. Он мог продекламировать её, предугадать до последнего знака препинания. По первым словам: «Официальным дополнительным следствием установлено...». Если официальным и дополнительным – то всё ясно, пиши пропало.

Олави Неримус не вышел на связь с прикрепленным старшим инспектором Лихоимом в положенный день: это списали на магнитную бурю. Через сутки зафиксировали пропуск отправления пневмопочты, это было уже серьезно; на третьи сутки вступили в силу положения Оперативного Кодекса о терпящих бедствие³⁶ и две бронированные машины, разрезая пропе-

³⁶ Оперативный Кодекс о терпящих бедствие – специальный законодательный акт ЕВРАЗЭС, принятый в экстренном порядке во время Аномалии в 2055 году и подвергшийся окончательной редакции в 2060 г. Входит в состав пакета из четырёх

чѐный воздух Зоны, рванулись к станции наблюдения 19/68, скользя между белоснежным песком и синим небом.

Неримуса нашли в эргокресле рабочего модуля – таком же, как и то, в котором нынче сидит Байм; ну не в том самом, конечно: чуждый суевериям, Байм все-таки засунул его на склад: просто выбросить нельзя, не отчитаешься... Поставил другое, из рекреационного модуля; но оно почему-то барахлило: активный наполнитель кресла нечетко реагировал на форму тела, теперь часто затекала спина. Так вот, предшественник Байма сидел, уставившись в главный монитор, с цанговым карандашом в руке и чистым листом бумаги специальной марки.

Он так на нём ничего и не написал – он только поставил жирную точку. Поставил и обвёл несколько раз...

Ребята говорили, что на лице у него была улыбка.

Никаких внутренних и внешних повреждений организма медэкспертиза не зафиксировала. Неримус, бывший чемпион финской сборной по зимнему плаванию, обладал на редкость хорошим здоровьем, а из биомеханики имел только улучшенные эндопротезы кистей, вставленные в своё время ради спортивных достижений, да биогель в ступнях, для того же самого... Всё это не могло стать причиной смерти. Ни единого известного человечеству патогенного микроба в его организме не обнаружили: он был почти стерилен, как только что из дезкамеры. Все функционировало нормально: сердце, печень, почки, легкие, гипофиз, желчный пузырь и... и всё-всё-всё. Только всё это почему-то отказалось работать. Точнее – легкие почему-то перестали пропускать кислород в кровь. То есть можно было сказать, что он умер от удушья, хотя, по принятой практике, его прогнали через «машину Ромберга»³⁷ – по сути, конвейер оживления; всё заработало, лёгкие начали выполнять свои функции, но мозг так и не ожил – он умер безвозвратно.

Дикое ощущение: будто человек сам себе сказал – я больше не живу. И перестал жить, точка.

Оперативных кодексов Самоглотской Природно-Аномальной Зоны.

³⁷ Специальный комплекс медицинской аппаратуры, позволяющий частично преодолеть некроз основных тканей и органов, и подключить тело к аппарату «искусственного мозга» с нулевым потенциалом, для последующей замены органов на биомеханику. Используется в мировой экстренной медицине с 2060 г. по методу хир. Адама Ромберга.

10:54 АТ

Всё расписано по часам, всё имеет свой хронометраж, все заключено в инструкции и параграфы. Выходить в Зону нельзя до сдвига, надо ждать. Вот через шесть минут время обнулится, и он снова вернется в прошлое. На сколько? Неизвестно. На час, на пять минут или на пятнадцать. Мелочь, а сложно к этому привыкнуть.

Сдвиг бесил всех – а сделать с этим было ничего нельзя!

...Когда еще достраивали военный Сосьвинский космодром, на Белоярке решили сделать удалённый пункт наблюдения за пусками. Первым делом нашли в мерзлоте базальтовую жилу и устроили там, на глубине 65 метров, атомные часы; полный комплекс, с дающими строго определенную частоту генераторами, водородными хранителями частот, и другими приборами – даже с радиооптическим частотным мостом. Полностью автоматизированный комплекс, передающий информацию по кабелю глубокого залегания в Сосьву, закончили как раз в 2054-м, за год до Аномалии.

Зона часы и кабель не тронула.

Это было уму непостижимо, но часы шли. Конечно, исходя из планировавшегося запаса хода, они могли идти ещё двести лет: но никто не ожидал, что песок, вышедший оттуда же, из той самой глубины, на которой они были расположены, их пощадит: при том, что от самого Белоярского не осталось фактически ни следа, он был смолот, как кофе в мельнице, а остатки пожраны Зоной.

Эти часы шли... И очень скоро обнаружили совершенно непредсказуемый характер.

Невероятным образом суперточные часы то отставали, то спешили. Они дважды на дню опровергали СИ, трактующую секунду как 9.192.631.770 периодов излучения цезия. Эта цифра то увеличивалась, то уменьшалась; конечно, на чертовы часы можно было бы и плюнуть, но...

Но Зона начала давать людям небольшой шанс предсказать хотя бы малую толику своего скверного характера. Например, песчаные бури и смерчи стало возможным прогнозировать, равно как и электромагнитные возмущения – Байм не знал, как это делали, но, например, извещение о сегодняшней магнитной буре после сдвига он получил вчера вечером и через шесть минут мог знать её точное время. По часам под Белояркой можно было с грехом пополам определять наилучшее время для прохода транспортных дирижаблей – это были всегда одни и те же часы, этим активно пользовалась «Самотлор Дистрибьюшн» для доставки людей, грузов и техники.

В итоге в полдень и в полночь определяли новый сдвиг времени «по Белоярке» и все часы на территории Зоны вручную или автоматически переводились...

Чаще всего назад.

Зона щедро давала человекам «лишние» пятнадцать, двадцать, тридцать минут, а то и час. Как будто на что-то ещё надеялась.

Байм перевел дыхание и облизнул губы. Смешной жест: в детстве его настойчиво отучали от этого. Негигиенично, и некрасиво. Но жест остался, движение запало в какую-то из клеточек мозга и повторялось, безотчётно. Он пытался избавиться от этой дурной привычки сам – не получилось.

Впрочем, он уже не следил за собой сам, да и кто будет делать ему замечания на станции?

Три года в одиночестве...

Чвак! Старые цифры на табло моргнули зеленоватой вспышкой и обозначили новые показания: 10:22. Зона кинула им ещё тридцать восемь минут с барского плеча – опять арготизм, да... Теперь, пока общее, континентальное время не дойдет до полуночи, сбоев не будет.

Пора выходить на периметр: магнитная буря начнётся в 13:20 АТ, он успеет снять показания.

И главное, надо проверить Шишечку.

11:30 АТ

Шишечка уже занимал большую часть лабораторного модуля. Для того, чтобы обеспечить его комфортом, пришлось потрудиться и соорудить подобие клетки из дюралевых трубок – Байм даже не помнил, откуда он их взял, где нашел, и для чего они предназначались на Станции! – а на трубках расположилось всё то, что безумно нравилось Шишечке...

Ультрафиолетовые светильники давали ему достаточно света; и в принципе, иногда, особенно в периоды затяжных магнитных бурь, когда все в Зоне глохли и слепли, включая аппаратуру служебной фиксации в помещениях и визуальную разведку с патрульных дирижаблей, Байм открывал шторку на верхнем окне из армированного стекла и давал Шишечке краткую возможность наслаждаться солнечным светом; хоть и не совсем настоящим, рассеянным – ведь солнечного диска в Зоне никто и никогда не видел, но это всё-таки был солнечный, и никакой иной свет. Конечно, такие ванны полагалось принимать ему не менее шести часов в день, но где их взять, эти шесть часов? Байм терзался, но из соображений конспирации слишком часто натуральным светом своего любимца не баловал.

Также на металлическом корсете висели датчики температуры из ЗИПа³⁸ станции: она должна колебаться в пределах от 22 до 26 градусов Цельсия, никак иначе. Простейшее электронное устройство регулировало её постоянно. Питательную смесь Шишечка получал всегда, составить её оказалось делом несложным – сложнее было получить химикаты, которые Байм правдами и неправдами выпрашивал, выменивал и даже покупал и всех... Точнее, у тех, кому мог без особого риска признаться в существовании Шишечки.

Самое сложное дело заключалось в воде. Поить это нежное существо рециркуляционной, «технической» водой Байм не рисковал. Питьевая же, или дистиллированная, получаемая с помощью штатного кислородно-водородного топливного элемента, подлежала строгому учёту. Приходилось порой отказывать себе в душе, чтобы скопить этой воды на две святыни: мытье рук после санузла и на Шишечку.

Его изгибающиеся по ширине желобками, сочно-зелёные сверху и светло-палевые снизу – листья вымахали уже на добрый метр над контейнером с пескоземляной смесью – тщательно удобряемой, и в целом перспектива представлялась неплохая...

Главное: Байм совершенно не представлял себе, как Неримусу удалось протащить на Станцию живой ананас, да ещё успешно посадить его.

И главное: как это растение не уничтожили, с составлением акта тогда, когда в рабочем модуле обнаружили мёртвого Олави?!

Это казалось настоящим чудом.

Зловещий семнадцатый параграф Генеральной Инструкции СПАЗ³⁹ строго запрещает ввоз в пределы Зоны любой флоры и фауны: во избежание злокачественных мутаций. Правда, никто ещё ничего не ввозил, кроме партии лабораторных червей, и то тех везли под охраной аж четырех бронеамфибий Санитарной полиции⁴⁰ – но не важно. Параграф сто тридцать первый той же Инструкции жестоко карал, вплоть до выдворения не только из Зоны, но и за пре-

³⁸ Обозначение, принятое в технических системах для указания на запасные части, инструменты, принадлежности. Также имеет расшифровку: «запасные изделия прилагаемые».

³⁹ **СПАЗ**, *Самотлорская Природно-Аномальная Зона* (с 2059 г.), до этого, с 2055 г., *Самотлорская Особая Карантинная Зона* (СОКЗ).

⁴⁰ **Санполиция**, или *Санитарно-гигиеническая полиция (СГП)*, особое подразделение, подчиняющееся Федеральной службе санитарно-гигиенического и эпидемиологического надзора (ФССГЭН), учреждённое в качестве самостоятельного органа в 2052 г.

дела земной орбиты за попытку вывоза за блок-посты Санконтроля любой фауны и флоры, как источника возможных мутаций, угрожающих человечеству.

Одним словом, если бы ананас обнаружили в лабораторном модуле во время выемки тела Неримуса, шуму было бы на всю Зону.

По невероятным причинам этого не произошло.

Неримус оставил Байму зашифрованное голографическое послание, запрятанное глубоко в недра рабочего компьютера и неожиданно активировавшееся в первые сутки пребывания тут нового дежурного. Это неслабое ощущение, когда в пустыне, прямо в рекреационном модуле неожиданно возникает классический Санта-Клаус в красном халате и громовым голосом возвещает о неожиданном питомце. Впрочем, там, у Олави, в Стране Суоми, этого старикана очень любили...

Олави достал так называемый «хохол» растения и посадил его – как, Байму трудно себе было представить. Хохолок к тому времени, когда его увидел Байм, превратился в куст, но на видео он выглядел жалко – когда Неримус сажал его в контейнер; это была шишка, без верхней части, уже постоявшая в воде и зарубцевавшая свои шрамы; так и назвал ласково – Шишечкой.

А выбор Олави оказался неслучаен: Байм понял это, подробно изучив оставленную ему инструкцию по выращиванию ананаса. Для Шишечки требовался... речной песок! Именно так; а какой же, кроме речного, здесь, в прибрежье Оби, мог быть? Остальную часть почвы Олави достал из той самой трубы, где Байм видел «волчьи кости»: как писал финн, однажды из этого чёрного провала выбросило... фонтан грязной воды.

Вода в Зоне... Неримус мог бы проснуться знаменитым, потому, что это нонсенс, этого не может быть по определению; но он не стал писать рапорт. Он просто сходил туда и набрал речного ила, вынесенного этим водяным выбросом; ил пошёл на грунт для Шишечки, вода высохла, а остатки ила затянул песок – все были довольны...

Байм получил немного свежей земли из Лимузина, что появился у телеметрического датчика Три. В то время, когда песок выкинул Лимузин наружу, внутри автомобиля всё было забито грязью, и не песком, и именно грязью; а больше всего этой массы – в массивном багажнике... Байму удалось определить там даже наличие сухого чернозема, с помощью простейших анализов на Станции. Так что грунт для Шишечки подобрали роскошный.

Всё! Оставалось только наконец, вырастить ананас да уберечь его от бдительных инспекторов.

Для начала Байм сделал простое мигающее табло с надписью: «НЕ ВХОДИТЬ! ОПЫТНЫЙ АРТЕФАКТ ЗОНЫ НА ОБРАБОТКЕ!». Эта надпись должна была гарантированно отпугнуть инспекцию: не будучи учёными, они как огня боялись всего, что могло попасть в модуль извне, и с удовольствием спалили бы станцию вместе с самим Баймом. Лишь бы не разбираться! А тот, отвадив инспекторов от лабораторного модуля, написал бы стандартный рапорт об обнаружении какой-нибудь железяки вблизи датчиков, проведённой проверке и распаде той самой несуществующей находки – и инцидент был бы исчерпан...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.